

АПЛОДИСМЕНТЫ В КРЕДИТ

Какая-то серость и страшная небрежность лежит на всем спектакле. Придумали голубой занавес с красным кантом. Штамп, но пусть.

Так после каждой картины этот мундир-занавес путается, сбрасывает со столিকা вазы, норовит оставить актеров на авансцене. Увы, зритель тоже улыбается, глядя, как актеры в панике мечутся, спасаясь от этого.

Театр поставил пьесу журналиста А. Лукацкого «Людина без биографии». Спектакль хорошо принимается зрителем. Ведь как приятно людям, когда со сцены дохнет родным, донецким, близким. Значит, могут местные драматурги дать театру интересные пьесы? Могут. Нужно только смелее работать с ними. А то поставят в пять лет одну пьесу — и хватит, хлопотное, мол, дело. Куда проще включить в репертуар уже апробированную, шедшую в других театрах пьесу.

В Донецке большая группа писателей. Многие из них пробуют свои силы и в драматургии. И все в один голос твердят: театр мало интересуется тем, что они делают. В этом есть доля истины. За все годы своей работы в театре его главный режиссер ни разу не пришел к писателям и не спросил, над чем они трудятся. Не приглашал их и в театр. Более того, те из драматургов, чьи пьесы уже были поставлены, следующие свои произведения отдавали другим театрам. Совсем недавно состоялась премьера новой пьесы А. Лукацкого «Миллионерша». Спектакль, говорят, принят очень хорошо. Почему же эта пьеса увидела свет рампы в Артемовске, а не в Донецке?

В прошлом году театр дал 70 тысяч убытку. С нового года он должен обойтись без дотации. Задача не из легких. Но, чтобы зритель начал посещать его, нужно не штопать пробелы и просчеты, а все встряхнуть — решительно и смело! Однообразие, душевное спокойствие, граничащее с равнодушием, — вот то «болото», в котором погряз театр. И пока это не будет изменено, пока театр не определит свое лицо — зал будет пустовать. А зритель, Николай Петрович, не такой уж «непонимающий», как вам это представляется. Когда придет время — а оно должно придти! — и со сцены дохнет настоящая, за душу берущая художественная правда, — город станет театральным.

В местных газетах далеко не на все спектакли появляются рецензии. Почему? Да что ж, говорят журналисты, ругать все подряд неловко: и так зритель хоть под ружьем веда на спектакли, а хвалить не за что. Главный режиссер Н. П. Смирнов — человек эрудированный, умеет неплохо говорить, а поставит пьесу — скука. В театре мало молодых актеров, но много стариков, которые десятилетиями играют самих себя.

В репертуаре большинство тех пьес, которые, по слухам, где-то уже идут при переполненном зале. Об оригинальных произведениях сейчас, мол, и думать нечего: театр, поставленный в такие жесткие материальные условия, не имеет права рисковать. А нам кажется, что без риска, то есть без творческой смелости, не изгнать скуку из театра. Ведь те 70 тысяч рублей, которые коллектив театра брал из кармана государства, шли на оплату его спокойной жизни.

А теперь партия говорит — хватит! Пришло время показывать спектакли не пустым стульям, а людям. Пришло время закрывать те театры, которые не умеют волновать зрителей, не пользуются у них любовью. Кое-кто приходит в ужас от таких мер. Скептики просят гибель театров. А нам кажется, что это единственный способ покончить с той рутиной и благодушием, которые царят еще кое-где в театральных коллективах.

Искать! Дерзать! Открывать новых драматургов, которые дадут театрам пьесы одновременно и высокохудожественные и кассовые — вот чем сейчас придется вплотную заняться и вам, донецкие товарищи.

Вл. КАНИВЕЦ.

(Спец. корр. «Правды Украины»).

Заметки о Донецком музыкально-драматическом театре имени Артема

бус. Глобус, точно возмущаясь таким хамством, падает. Савва Лукич долго возится, укрощая его. Смеются зрители, доволен Савва Лукич. Но можно ли придумать что-то еще более издевательское по отношению к учительнице Журавиной? Ведь с таким же успехом Савва Лукич мог снять книги с полки и сестра на них. Мог бы вырвать листок из ее школьного журнала и свернуть «козью ножку».

А вот еще один режиссерский «перл». Савва Лукич достает из кармана пол-литра. Делает он это так «мастерски», что по залу летит смехок. Но этого мало. Коль зритель клоннул, надо из него выжать все, что можно. И Савва Лукич принимается за дело. Наливает рюмку, подносит хозяйке. Та возвращает ему, и он только после этого со смаком выпивает. Когда ритуал «причастия» доходит до третьей рюмки, в зале кто-то не выдерживает, кричит:

— Да оставь хоть одну!

Реплика вызывает взрыв хохота — и все довольны. А администратор, услышав это, видимо, укоризненно покачивает головой: до чего же невоспитанная публика. Но, помилуйте! Причем же тут невоспитанность? Публике просто надоело смотреть, как передают из рук в руки рюмку не одну и не две минуты.

Но, может, «Рідна мати моя» — исключение? Пойдемте на спектакль по пьесе И. Лагутина «Сержант милиции». Ставил его сам главный режиссер Н. П. Смирнов. Эта пьеса, как известно, не из лучших современных произведений, но включили ее в репертуар с расчетом пополнить кассу.

В пьесе 12 картин. Режиссеру явно оказалось не под силу собрать их воедино. Он видел, что спектакль ползет по швам, и начал штопать прорехи... цирковыми трюками. Вот сцена, где милиционер Зайчик (А. Ланченко) подмывает похищение. Все те фокусы, которые проделывает Зайчик с веником и мусором, больше подходят клоуну, чем скромному милиционеру. Он паясничает, сдувает мусор на голову лейтенанту Гусеницыну. Умно ли это? Оригинально ли? Конечно, нет. Но что делать? Надо же принудить зрителя если не посмеяться, то хоть бы похихикать.

Актеры очень много суетятся, кричат. А когда надо провести внутренне напряженную сцену, они торопливо проговаривают слова. Многие образы решены очень прямолинейно. Если лейтенант Гусеницын — эдакий архиправильный служака, для которого важнее буква инструкции, чем судьба человека, то актер (И. Завертнев) делает его тупицей. В этом опять-таки проглядывает все то же стремление во что бы то ни стало посмеить зрителя. А зачем? Бездушные лейтенанта Гусеницына (именно бездушные, а не тупость!) должно вызывать у зрителя негодование, а не беспечный смехок. Ничего ведь нет грустнее такого выпрошенного бездумного смеха.

В ЦЕНТРЕ Донецка стоит красивое здание музыкально-драматического театра. Подойдите к кассе и спросите билет. Вам ответят:

— Билетов нет!

Когда же их успели продать? Но вот вы покупаете с рук билет и проходите в зал. Что такое? Половина мест пустует. Вам объясняют: сегодня культпоход, после спектакля будут танцы. Проходит первое действие — пустых стульев меньше. Кончается второе — почти все места заняты. А если бы автор написал и третье действие, то и в проходах стояли бы «любители» театра.

Первый, с кем нам довелось поговорить о том, почему зрители не очень охотно, мягко говоря, посещают театр, был администратор. Он сказал, скептически морщась:

— Публика у нас невоспитанная. Ну, вот видите: третий уже звонок, а они стоят за мороженым. В других театрах — например, в Жданове, и вино, и коньяк в буфете есть.

Намек на Ждановский театр весьма прозрачен: есть, мол, там что выпить, вот и зритель валом валит. А здесь что же — одно мороженое. Сидят и хрустят вафлями, следя за тем, как бы костюм не замарать а не за тем, что происходит на сцене.

Главный режиссер театра народный артист УССР Николай Петрович Смирнов работает в Донецке уже три десятка лет.

— Я постарел в этом театре, — говорит он. — И откровенно скажу вам: трудный, совершенно не театральный город. Впрочем, разве только к нам не идет зритель? Театры вообще переживают очень трудное время. Кино, телевидение — вот наши конкуренты. С этим нельзя не считаться...

Донецкие писатели полагают — и не без основания! — что зрители неохотно идут в свой театр, так как не видят на сцене тех героев, которые окружают их в жизни. А сами зрители объясняют коротко и ясно:

— Скучно!

Давайте посмотрим несколько спектаклей: Вот драма Ю. Мокриева «Рідна мати моя». Достоинство этой пьесы, как признали и руководители театра, одно: малое количество действующих лиц. Этим она и привлекла их, ибо нужно было занять актеров, оставшихся от параллельного спектакля. Смотрят зрители на сцену и не могут понять: что же происходит? По авторскому тексту Сергей Журавин только что закончил среднюю школу, а актер М. Третьак давно уже вышел из этого возраста. Очень трудно поверить, что Даша (З. Чернилевская) — его ровесница. Следите вы за игрой этих актеров и никак не можете побороть чувство неловкости. В каждом их слове, в жесте, в движении — во всем сквозит фальшь. И, право же, не стоит этим актерам очень гневаться на зрителей за то, что они наслаждаются не их игрой, а мороженым.

В этом спектакле режиссер и актеры, потеряв всякое уважение к себе, униженно заискивают перед зрителем, выпрашивают у него хотя бы хилую улыбку и жиденькие аплодисменты. И зритель хлопает, раз его так просят. Хлопает из вежливости, иногда — в кредит, рассчитывая на полноценную оплату. Но это еще совсем не значит, что он восхищается.

Ну, чего стоит, например, такой фокус. Приходит Савва Лукич (Н. Протасенко) в дом учительницы Журавиной (Л. Усатенко), снимает картуз и водружает его на... гло-